Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2026. № 3. С. 161–173
Lomonosov Journal of Anthropology. 2026. No 3, pp.161–173

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ / ANTHROPOLOGY
Научная статья / Research Article
https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-26-3-12
УДК/UDC 572.5; 7; 03.61.21

Исследование черепа с трепанацией из могильника Новый Кумак (Южный Урал): новые данные и социальная интерпретация

А.Х. Чиркова [1, 2] ✉, А.Ж. Машкова [3]

[1] Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

[2] Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

[3] Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

✉ chirkovaah@my.msu.ru

РЕЗЮМЕ

Введение. Статья посвящена исследованию трепанационного отверстия, обнаруженного при изучении коллекции черепов ранних кочевников Южного Урала из краниологического хранения Научно-исследовательского института и Музея антропологии Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. Череп происходит из кургана 20 могильника Новый Кумак, расположенного в Оренбургской области. Погребение датировано IV в. до н.э. и относится к раннесарматскому времени. Целью данного исследования является введение в научный оборот нового случая трепанации и определение обстоятельств и возможных причин проведения операции, зафиксированной на черепе раннего кочевника.

Материалы и методы. В статье рассматривается археологический контекст обнаружения черепа с трепанацией в Ново-Кумакском могильнике. Проводятся половозрастные определения по морфологическим признакам черепа. Представлено описание черепа и зубочелюстной системы. Описание трепанации выполнялось согласно методике, предложенной М.Б. Медниковой. Для дифференциальной диагностики применялись описательный микроскопический метод исследования и фотофиксация.

Результаты и обсуждение. Удалось установить, что на черепе мужчины старше 55 лет была выполнена предсмертная или посмертная трепанация. Трепанационное отверстие локализовано на месте травмы, которая, вероятно, была получена еще при жизни. В рамках поиска возможных причин проведения подобных операций были рассмотрены различные интерпретации назначения трепанаций на черепах древнего населения раннего железного века Центральной и Средней Азии, а также Южной и Западной Сибири.

Заключение. Погребение из Ново-Кумакского могильника может быть охарактеризовано как захоронение представителей кочевой знати. Рассматриваемый случай трепанации, по-видимому, связан с посмертными манипуляциями при подготовке тела к погребению. Возможно, эта практика отражает влияние традиций, пришедших в южноуральские степи с востока, что подтверждается и по данным археологии.

Ключевые слова: Южный Урал; ранний железный век; палеоантропология; палеопатология; трепанация; травма; посмертные манипуляции, социальный аспект.

Благодарности. Авторы статьи выражают благодарность директору НИИ и Музея антропологии МГУ, академику РАН А.П. Бужиловой за предоставленную возможность изучить серию черепов ранних кочевников Южного Урала, а также старшим научным сотрудникам НИИ и Музея антропологии МГУ к.б.н. Н.Я. Березиной и к.б.н. Д.В. Пежемскому за ценные советы и рекомендации.

Исследование проводилось при поддержке ЦКП МГУ «Технологии получения новых наноструктурированных материалов и их комплексное исследование», национального проекта «Наука» и Программы развития МГУ.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20201 «Профессиональная специализация в обществах кочевников раннего железного века Южного Урала в VII–III вв. до н.э.», https://rscf.ru/project/25-28-20201/

Для цитирования: *Чиркова А.Х., Машкова А.Ж.* Исследование черепа с трепанацией из могильника Новый Кумак (Южный Урал): новые данные и социальная интерпретация // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2026. № 3. С. 161-173. https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-26-3-12

© Чиркова А. Х., Машкова А. Ж., 2026
© Chirkova A.Kh., Mashkova A.Zh., 2026

Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2026. № 3. С. 161–173
Lomonosov Journal of Anthropology. 2026. No 3, pp.161–173

Examination of a Trepanned Skull from the Novyi Kumak Burial Ground (Southern Urals): New Data and Social Interpretation

Alina Kh. Chirkova [1, 2] ✉, Aliia Zh. Mashkova [3]

[1] Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

[2] South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

[3] Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russian Federation

✉ chirkovaah@my.msu.ru

ABSTRACT

Introduction. This article examines a trepanation hole identified during the study of a collection of skulls of Early Nomads from the Southern Urals housed in the craniological repository of the Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University. The skull comes from kurgan 20 of the Novyi Kumak burial ground located in the Orenburg Region. The burial dates to the 4th century BC and belongs to the Early Sarmatian period. The aim of this study is to introduce into scholarly circulation a new case of trepanation and to determine the circumstances and possible reasons for the intervention recorded on the skull of an Early Nomad.

Materials and methods. The article considers the archaeological context in which the trepanned skull was discovered at the Novyi Kumak burial ground. Sex and age were assessed on the basis of the morphological features of the skull. A description of the skull and the dentition is provided. The trepanation was described according to the method proposed by M.B. Mednikova. Differential diagnosis was based on macroscopic examination and photographic documentation.

Results and discussion. It was established that an antemortem trauma was present on the skull of a male over 55 years of age, and that a perimortem or postmortem trepanation was later performed at the site of this trauma. In the search for possible reasons for such interventions, various interpretations of trepanations recorded on the skulls of ancient populations of the Early Iron Age in Central and Middle Asia, as well as Southern and Western Siberia, were considered.

Conclusion. The burial from the Novyi Kumak burial ground may be characterized as that of representatives of the nomadic elite. The trepanation in this case appears to have been associated with postmortem manipulations carried out during the preparation of the body for burial. This practice may reflect the influence of traditions that reached the Southern Ural steppes from the east, which is also supported by archaeological data.

Keywords: Southern Ural; Early Iron Age; paleoanthropology; paleopathology; trepanation; trauma; postmortem manipulation; social aspect.

Acknowledgements. The authors would like to express their gratitude to the director of the Research Institute and the Museum of Anthropology of Lomonosov Moscow State University, Member of the Russian Academy of Sciences Dr. A.P. Buzhilova for the opportunity to study a series of skulls of early nomads of the Southern Urals, as well as to the fellows of the Research Institute and the Museum of Anthropology of Lomonosov Moscow State University, Ph.D. N.Ya. Berezina and Ph.D. D.V. Pezhemsky for their valuable advice and recommendations.

Research was carried out under partial support of the MSU Shared Research Equipment Center «Technologies for obtaining new nanostructured materials and their complex study», National Project «Science» and the MSU Program of Development.

Funding. The study was funded by the Russian Science Foundation Grant No. 25-28-20201, Professional specialization in the Early Iron Age nomadic societies of the Southern Urals during the 7th-3rd centuries BC, https://rscf.ru/project/25-28-20201/

For citation: Chirkova A.Kh., Mashkova A.Zh. Examination of a Trepanned Skull from the Novyi Kumak Burial Ground (Southern Urals): New Data and Social Interpretation. *Lomonosov Journal of Anthropology*. 2026 (3), pp. 161-173. https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-26-3-12

© Чиркова А. Х., Машкова А. Ж., 2026
© Chirkova A.Kh., Mashkova A.Zh., 2026

Введение

В ходе работы с коллекцией черепов ранних кочевников Южного Урала из краниологического хранения Научно-исследовательского института и Музея антропологии Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, авторы данного исследования независимо друг от друга обратили внимание на череп (колл. № КО 241/12), на затылочной кости которого было обнаружено отверстие, похожее на трепанацию. Указанный череп происходит из погребения 1 кургана 20 могильника Новый Кумак.

История изучения трепанаций, обнаруженных в сарматских памятниках, формировалась в рамках исследований древних операций на черепе. Отдельные случаи трепанаций фиксировались исследователями, однако не становились предметом специального анализа. Методологической основой для последующих работ стали обобщающие труды по истории трепанации М.Б. Медниковой, в которых было показано, что научный интерес к этому феномену сложился во второй половине XIX в. после серии археологических открытий. Существенно, что в ее работах трепанация рассматривается не только как медицинское вмешательство, но и как культурно-ритуальный феномен, требующий междисциплинарного анализа (Медникова, 2001, 2004).

Попытка обобщения известных случаев трепанации у сарматских племен с территории Евразии была предпринята Д.А. Кириченко, который пришел к выводу о сосуществовании у сарматов как терапевтических, так и ритуальных форм трепанации (Кириченко, 2016).

Дополнительное уточнение интерпретаций связано с включением трепанаций в более широкий контекст травматизма ранних кочевников. Так, в работе Е.П. Китова, А.А. Хохлова и С.С. Иванова трепанации рассматриваются наряду с боевыми повреждениями (Китов с соавт., 2019).

Для ранних кочевников Волго-Уральского региона традиция трепанации не является распространенной и на сегодняшний день известно лишь несколько подобных случаев.

В статье Е.В. Перервы, посвященной материалам сарматского времени из могильника Перегрузное I, упоминается череп женщины с трепанацией, выполненной методом сверления (Перерва, 2012).

В другой его работе рассматривается техника выполнения и причины проведения трепанации на черепе в савромато-сарматское время в Нижнем Поволжье. Е.В. Перервой были выделены как прижизненные вмешательства, выполненные преимущественно методом выскабливания и интерпретируемые как терапевтические, с признаками заживления, так и посмертные манипуляции, осуществляемые сверлением и, вероятно, имеющие ритуально-символический характер (Перерва, 2023).

В работе В.И. Мамонтова, И.Е. Обраменко и Е.В. Перервы описан случай трепанации из могильника среднесарматского времени Вербовский I. На черепе женщины зафиксированы три отверстия в теменно-затылочной области, выполненные методом сверления (Мамонтов с соавт., 2018).

В статье Е.В. Перервы, Н.Я. Березиной и М.В. Кривошеева, на основе макроскопического и рентгенологического анализа были выделены различные типы трепанаций у населения савромато-сарматского времени из курганных могильников Быково и Барановка (Перерва с соавт., 2020).

Краниологическая серия раннесарматского времени из могильника Новый Кумак была исследована и опубликована М.С. Акимовой (Акимова, 1968). Но в ее публикации отсутствовали сведения о трепанации на черепе из кургана 20 Ново-Кумакского могильника. В других исследованиях, посвященных изучению трепанаций у ранних кочевников Волго-Уральского региона данный случай также не упоминается. Только при описании погребения кургана 20 Ново-Кумакского могильника М.Г. Мошкова отмечала, что: «… на затылке одного из черепов, погребенных в Ново-Кумакском кургане было обнаружено круглое отверстие с неровными краями, но чуть зарубцевавшимися еще при жизни. Однако, видимо, эта рана и послужила причиной смерти» (Мошкова, 1972, с. 41–42). До настоящего момента это являлось единственным упоминанием рассматриваемого случая трепанации на черепе кочевника из могильника Новый Кумак.

Учитывая редкость трепанаций у кочевого населения раннего железного века Южного Урала, представляется необходимым введение в научный оборот данного случая. Целью исследования является изучение трепанации из могильника Новый Кумак, а также выяснение обстоятельств осуществления операции, характера и причины ее проведения.

© Чиркова А. Х., Машкова А. Ж., 2026
© Chirkova A.Kh., Mashkova A.Zh., 2026

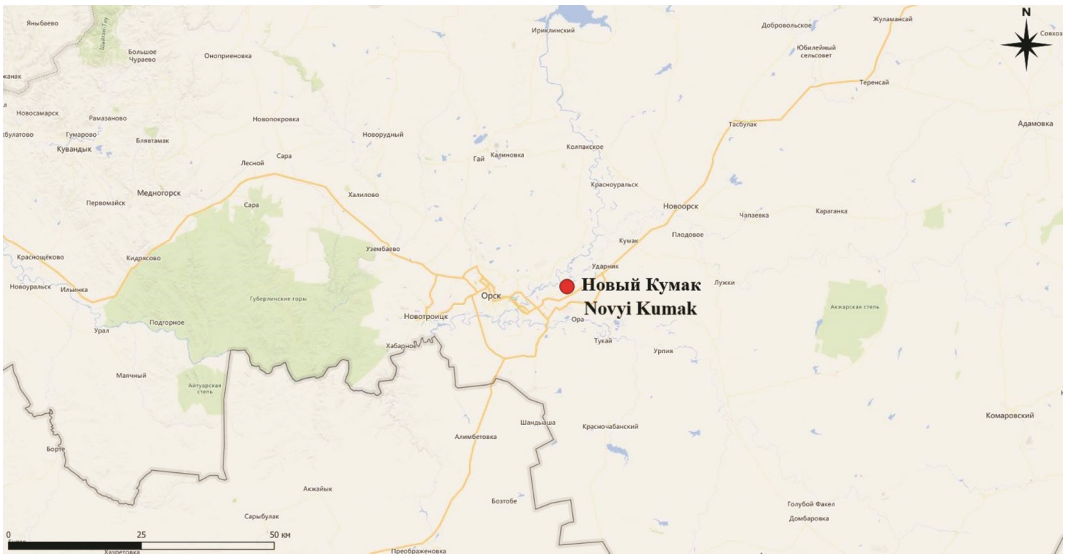

Рисунок 1. Местоположение могильника Новый Кумак
Figure 1. Location of the Novo-Kumak burial ground

Материалы и методы

Материалом для исследования послужил череп из погребения 1 кургана 20 курганного могильника Новый Кумак, расположенного в Оренбургской области.

Памятник Новый Кумак находится в левобережье р. Урал между восточной окраиной г. Орска и пос. Новый Кумак Новоорского района Оренбургской области (рис. 1). Курган 20, из которого происходит череп с трепанационным отверстием, был раскопан под руководством М.Г. Мошковой в 1962 г. и датирован ею IV в. до н.э. (Мошкова, 1972).

Определение биологического возраста и пола проводилось по морфологическим признакам черепа: по степени зарастания швов, состоянию суставных поверхностей задних мыщелков, а также по состоянию зубочелюстной системы (Герасимов, 1955; Пашкова, 1963; Алексеев, Дебец, 1964).

По краниометрическим данным, опубликованным М.С. Акимовой (Акимова, 1968), было проведено описание черепа в соответствии с рубрикациями таблиц краниометрических констант [1] (Алексеев, Дебец, 1964). Также в работе приводится описание состояния зубочелюстной системы.

Описание трепанации выполнялось согласно методике, предложенной М.Б. Медниковой (Медникова, 2001). Для дифференциальной диагностики применялись фотофиксация и описательный макроскопический метод исследования. Микроскопическое исследование осуществлялось на цифровом видеомикроскопе высокого разрешения Hirox RH-2000 на базе НИИ и Музея антропологии МГУ. Применялось увеличение x20 и x40.

В работе представлены фотографии черепа в трех нормах: фронтальной, левой латеральной и окципитальной. Фотофиксация производилась по принятой в НИИ и Музее антропологии МГУ методике (Перевозчиков, 1987).

Результаты

Археологический контекст

Курган 20 располагался в восточной части группы могильника. К моменту раскопок высота кургана составляла около 0,4 м, диаметр 14 м.

[1] Авторы исследования осознают, что проводить индивидуальное описание черепа в соответствии с таблицей краниометрических констант, которая предназначена для оценки краниологических серий по средним значениям – не совсем корректно. Но в силу отсутствия иных способов оценки черепа на индивидуальном уровне мы вынуждены прибегнуть к единственному, возможному способу.

© Чиркова А. Х., Машкова А. Ж., 2026
© Chirkova A.Kh., Mashkova A.Zh., 2026

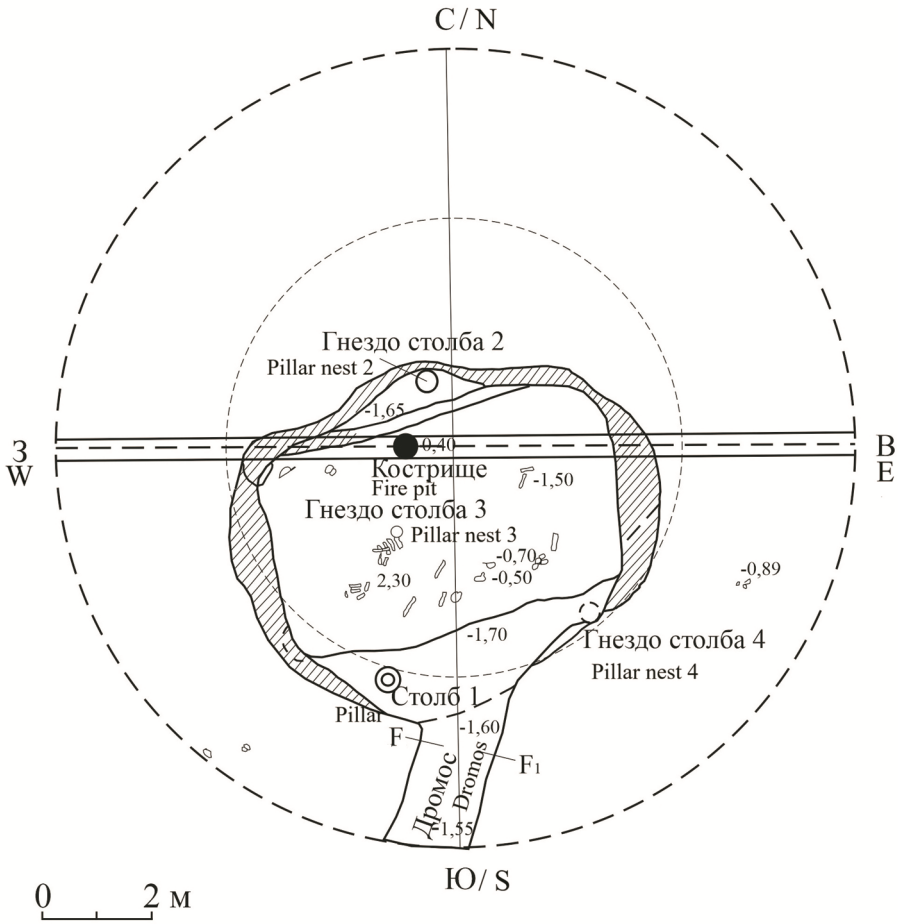

Рисунок 2. Общий план кургана 20 могильника Новый Кумак (по: Мошкова, 1972, с. 30)
Figure 2. General plan of mound 20 of the Novy Kumak burial ground (according to: Moshkova, 1972, p. 30)

На уровне древнего горизонта было обнаружено деревянное перекрытие, сооруженное из нескольких слоев бревен и березовых плах, которые лежали радикально по направлению к центру могилы. Вероятно, что над могильной ямой была построена сложная деревянная конструкция шатрового типа. Погребение ограблено в древности.

Могильная яма, расположенная в центре кургана, ориентирована с северо-востока на юго-запад, прямоугольной формы с чуть скругленными углами. Размеры ее на уровне древнего горизонта 7,5х5,5 м., по дну – 6,3х3,5 м., глубина – 2,3 м. С южной стороны к могиле вел дромос (рис. 2).

На дне могилы человеческие кости были перемешаны с костями животных, и сдвинуты со своих первоначальных мест в отдельные скопления. Ближе к южной стене могилы лежали два целых человеческих черепа, принадлежавшие мужчине и женщине. Чуть восточнее их зафиксированы фрагменты еще двух черепов. Из костей животных были найдены лошадиные лопатка, копыто и позвонок, а также кости коровы и барана. Судя по количеству найденных человеческих костей и черепов в могиле похоронено четыре взрослых индивида (рис. 3).

По дну могилы в полном беспорядке были разбросаны вещи или их обломки, составлявшие инвентарь погребенных. В северо-западном углу зафиксирована большая толстостенная керамическая воронка. Южнее воронки располагались бусины и скопление железных предметов. Рядом обнаружены мелкие обломки голубовато-зеленоватых стеклянных бусин с глазками. Недалеко от скопления железных предметов лежал на боку небольшой круглодонный сосудик, около которого находились две гальки. В восточной части могилы выявлены пять небольших ритуальных галек, среди которых находился обло-

© Чиркова А. Х., Машкова А. Ж., 2026
© Chirkova A.Kh., Mashkova A.Zh., 2026

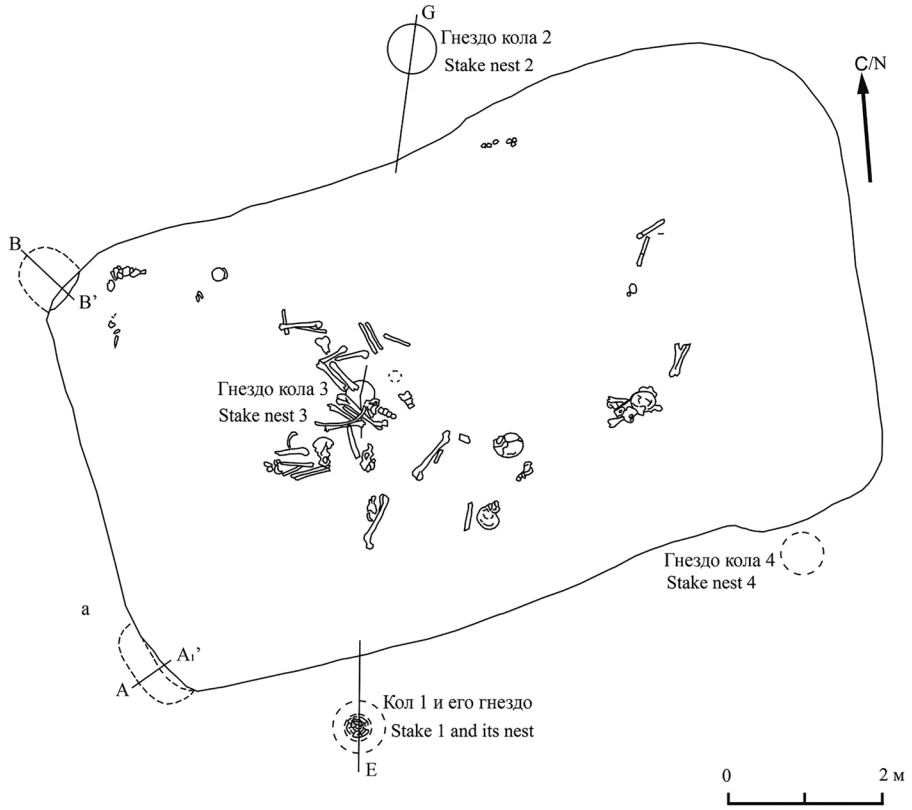

Рисунок 3. План погребения 1 в кургане 20 могильника Новый Кумак (по: Мошкова, 1972, с. 31)
Figure 3. Plan of Burial 1 in Kurgan 20 of the Novo-Kumak burial ground (according to: Moshkova, 1972, p. 31)

мок, похожий на молоточкообразный предмет. В восточной стороне могилы зафиксирована грубо отбитая круглая плитка. В юго-восточном углу был найден плоский двухлопастной черешковый наконечник стрелы. Остальные мелкие вещи были разбросаны на разной глубине по всей могиле, среди которых обнаружена маленькая серебряная обоймочка (Мошкова, 1972, с. 27–32).

Антропологическая характеристика

Череп принадлежал мужчине старше 55 лет (биологическая категория *Senilis*).

Мужская краниологическая серия раннесарматского времени из могильника Новый Кумак была охарактеризована М.С. Акимовой как европеоидная, среди выделенных особенностей отмечалась большая высота лица (Акимова, 1968, с. 407-408).

По измерениям, опубликованным М.С. Акимовой авторами данного исследования было выполнено индивидуальное описание исследуемого черепа. Мозговой отдел черепа средний со средним поперечным диаметром, средневысокий со средней длиной основания. В вертикальной норме пентагоноидной формы. По указателю череп мезо-брахикранный. Ширина лба средняя. Лицевой отдел по указателям средних пропорций, с ортогнатной вертикальной профилировкой. Лицо средней высоты и ширины. Горизонтальная профилировка на обоих уровнях слабая. Но при этом переносье выступает сильно. Нос широкий и низкий, тоже сильно выступает. Орбиты среднеширокие и высокие, по указателю средние (мезокохные) (рис. 4).

Зубы постоянной смены на верхней челюсти утрачены прижизненно, с полной облитерацией и резорбцией костной ткани, посмертно утрачены верхние второй и третий моляры с правой стороны. В области альвеолы правого первого моляра отмечается абсцесс. На нижней челюсти прижизненно утрачены латеральный

© Чиркова А. Х., Машкова А. Ж., 2026
© Chirkova A.Kh., Mashkova A.Zh., 2026

Рисунок 4. Череп мужчины старше 55 лет с трепанацией из погребения 1 кургана 20 могильника Новый Кумак
Figure 4. Skull of a male over 55 years old with trepanation from Burial 1, Kurgan 20, Novo-Kumak burial ground

резец с левой стороны, и правые первый и второй моляры. Сохранилось два левых премоляра с незначительной стертостью эмали.

Описание трепанации

На затылочной кости с правой стороны между лямбдовидным швом и верхними выйными линиями обнаружено отверстие неправильной округлой формы с неровными краями. Максимальные размеры отверстия с внешней стороны составляют примерно 20х17 мм. Следы заживления краев были только в тех местах, где костная ткань наиболее тонкая, а именно: в нижней и правой сторонах отверстия. На других его краях фиксируются следы губчатого вещества, что не является показателем процесса заживления (рис. 5).

Следует отметить, что наличие указанных сглаженных краев может свидетельствовать, как о ходе заживления, так и являться эффектом «замыленности» краев, произошедшего вследствие тафономических процессов.

По периметру отверстия имеются протяженные ровные следы в виде бороздок или насечек разной длины, которые похожи на последствия надрезов. Над верхним краем отверстия, в 2 мм от него, зафиксированы два таких следа. Наиболее длинный, ближний след к краю имеет протяженность 16 мм, и над ним выявлен еще один след поменьше – длиной 4 мм. Другой след, выявленный на 2 мм ниже отверстия, глубокий, длинной 11 мм. Почти перпендикулярно ему, с левой стороны выявлена вертикальная бороздка протяженностью почти 4 мм. Выявленные следы не имеют признаков заживления, что может являться свидетельством того, что они

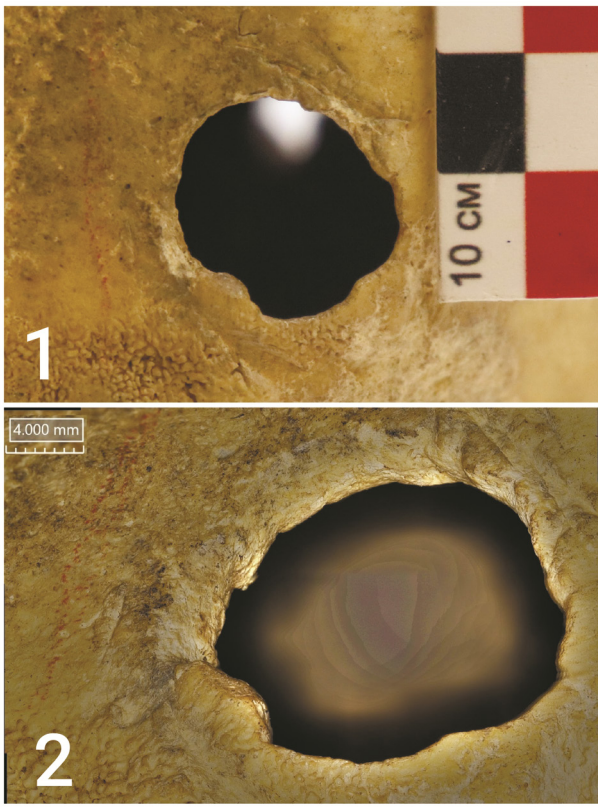

Рисунок 5. Фотография (1) и 20-ти кратное увеличение (2) трепанационного отверстия
Figure 5. Photograph (1) and 20x magnification (2) of the trepanation hole

уже были сделаны после или незадолго до смерти погребенного.

С внутренней стороны черепа, в нижней части отверстия, зафиксирован скол компактного вещества эндокрана размером 10х8 мм, который похож на результат механического воздействия с внешней стороны, что может указывать на травматический характер данного скола. Также, не исключается вариант, что скол мог быть

© Чиркова А. Х., Машкова А. Ж., 2026
© Chirkova A.Kh., Mashkova A.Zh., 2026

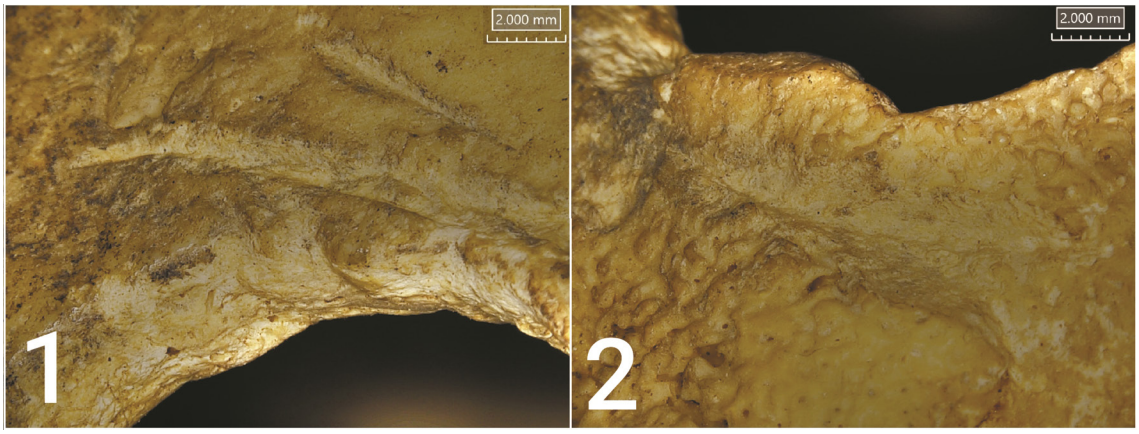

Рисунок 6. 40-ка кратное увеличение следов в виде насечек над верхним (1) и под нижним (2) краем трепанационного отверстия
Figure 6. 40x magnification of notch marks above the upper (1) and below the lower (2) edge of the trepanation hole

получен в процессе процедуры трепанации под воздействием используемого инструмента.

Микроскопическое исследование при 20 и 40-кратном увеличении позволило провести дополнительную оценку состояния костной ткани по краям отверстия и уточнить количество насечек, выявленных по его периметру (рис. 6). При макроскопическом осмотре не было выявлено следов воспалительного процесса. Авторы исследования выдвигают две возможные причины проведения операции на черепе из могильника Новый Кумак.

Если учитывать, что облитерированный нижний край отверстия является результатом заживления, а не последствием тафономических процессов, то вероятнее всего, после получения травмы индивид еще прожил какое-то время. И незадолго до смерти или уже после нее потребовалось хирургическое вмешательство на месте травмы, в результате чего было сделано трепанационное отверстие, с уже более ровными краями, которые не имеют признаков заживления. Насечки вокруг отверстия были оставлены в процессе операции, скорее всего в результате вырезания мягких тканей на затылке. В рамках этого предположения остается неясным, было ли вмешательство обусловлено осложнениями травмы или иными причинами.

Или же трепанация была сделана уже посмертно или накануне смерти индивида, которая наступила вследствие травмы черепа, локализованной в области трепанации.

Таким образом, имеющиеся данные пока не позволяют однозначно ответить по поводу причин возникновения рассматриваемого трепанационного отверстия. Известно лишь то, что оно было выполнено посмертно или предсмертно. При этом, и в первом, и во втором возможных реконструкциях ситуаций, послуживших поводом для проведения операции, остаются нерешенными вопросы, в первую очередь связанные с установкой причин хирургического вмешательства.

Обсуждение

Для ранних кочевников Волго-Уральского региона традиция трепанации не является распространенной, но подобные практики все же фиксировались (Рохлин, 1965; Китов, Мамедов, 2014; Мамонтов с соавт., 2018; Китов с соавт., 2019; Перерва с соавт., 2020; Перерва, 2023).

В памятниках ранних кочевников Южного Урала известно всего несколько случаев трепанаций, некоторые из них были обнаружены в погребениях могильников Покровка VIII (курган 1, погребение 14; VI–II вв. до н.э.), Буланово (курган 4, погребение 1; IV–III вв. до н.э.), Бердянка (курган 4, погребение 5, III в. до н.э.) (Китов с соавт., 2019, с. 171–173). Трепанации со следами заживления обнаружены в памятниках Покровка VIII и Буланово, которые были выполнены в лечебных целях для устранения последствий травм черепа. До этого были известны только случаи прижизненной трепанации: на черепе раннего кочевника со следами заживления из раскопок М.И. Артамонова, опубликованный Д.Г. Рохлиным (Рохлин, 1965) и из могильника

© Чиркова А. Х., Машкова А. Ж., 2026
© Chirkova A.Kh., Mashkova A.Zh., 2026

Булдурта I в Западном Казахстане (курган 6, VI–IV вв. до н.э.) (Китов, Мамедов, 2014, с. 213).

По всем описанным признакам, трепанационное отверстие на черепе из погребения 1 кургана 20 Ново-Кумакского могильника было выполнено посмертно или незадолго до смерти индивида. Поэтому, с высокой степенью вероятности, перед нами случай посмертной трепанации.

До этого случай посмертной трепанации черепа на Южном Урале был обнаружен в погребении могильника Бердянка (Китов с соавт., 2019, с. 171–173). Из наиболее близких к памятникам ранних кочевников Южного Урала посмертные трепанации были выявлены в погребениях сармат Нижнего Поволжья. В литературе описаны случаи проведения ритуально-символических операций на черепах из могильников Вербовский I, Барановка и Перегрузное I (Мамонтов с соавт., 2018; Перерва, 2023, с. 197). Считается, что истоки происхождения традиции посмертных ритуальных трепанаций у носителей сарматских культур с территории Нижнего Поволжья следует искать у древних народов Центральной и Средней Азии, а также Южной и Западной Сибири – именно в этих регионах фиксируется широкое распространение посмертных ритуальных трепанаций (Медникова, 1997; Мамонтов с соавт., 2018, с. 96; Перерва с соавт., 2020, с. 147; Перерва, 2023, с. 200).

Остается открытым вопрос о назначении посмертной трепанации и причине проведения этой операции у индивида, погребенного в Ново-Кумакском могильнике. На этот счет Е.В. Перервой уже рассматривались возможные варианты, включающие: подготовительную процедуру при мумификации трупа или его бальзамирования; подготовку трупа к погребению или длительному хранению; а также ритуальное разграбление и вредительство с целью «запирания» неугодного покойника (Перерва, 2023, с. 200–201).

Наряду с трепанациями, выполненными в медицинских целях, в могильнике скифского времени Быстровка (Верхнее Приобье) трепанации чаще всего осуществлялись путем разрушения оснований черепов после смерти субъектов и, вероятно, имели сакрально-ритуальное значение (Бородовский с соавт., 2010, с. 36–37). Аналогии этому обряду отмечаются в эпоху раннего железа в черепах из Минусинской котловины, Западной Монголии и Казахстана (Медникова, 1997, с. 130–139).

Согласно А.З. Бейсенову и Е.П. Китову, трепанации на черепах из могильников тасмолинской археологической культуры проводились в связи с необходимостью сохранения тела до погребения, так как трепанационные отверстия в затылочной области черепа могли быть выполнены либо для введения консервирующего состава, либо для стекания разлагающихся мягких тканей из черепа (Бейсенов, Китов, 2014, с. 38, 40).

Е.П. Китовым были описаны трепанированные черепа пазырыкской культуры из могильника Берел. По мнению исследователя из-за того, что прощальные церемонии в условиях кочевого образа жизни не всегда представлялись возможными в короткие сроки, то вероятно, мумификация тел являлась подготовительным этапом для сложного и длительного процесса прощальных традиций перед погребением (Китов, 2023).

Традиция посмертной трепанации черепа была характерна и для населения, оставившего таштыкские грунтовые могильники, которая тоже была, по-видимому, связана с обработкой голов умерших и мумификацией для их долговременного хранения перед погребением (Учанева с соавт., 2023, с. 238).

Считается, что посмертные трепанации маркируют высокий социальный статус погребенного (Бейсенов, Китов, 2014, с. 39). По мнению С.И. Руденко, у носителей пазырыкской культуры трепанация черепа практиковалась исключительно в отношении влиятельных лиц (Руденко, 1949).

В работе Е.П. Китова и А.О. Китовой указано, что кочевники Центральной Азии проводили процедуры бальзамирования для мумификации с целью организации прощания с лицом высокого социального ранга (Китов, Китова, 2018, с. 582). А.З. Бейсенов и Е.П. Китов также указывают на высокий социальный статус индивидов с посмертной трепанацией черепов из погребений сакской эпохи в Центральном Казахстане (Бейсенов, Китов, 2014, с. 31; Китов, Бейсенов, 2015, с. 47).

Погребения среднесарматского времени из памятников Нижнего Поволжья тоже были отнесены к элитным или неординарным. В могильниках Перегрузное I и Вербовский I были совершены захоронения женщин в сопровождении богатого погребального инвентаря, а в могильнике Барановка, вероятно, был погребен воин (Перерва с соавт., 2020, с. 147).

© Чиркова А. Х., Машкова А. Ж., 2026
© Chirkova A.Kh., Mashkova A.Zh., 2026

Погребение из Ново-Кумакского могильника, по-видимому, также может быть отнесено, к захоронению кочевой знати. На высокий социальный статус погребенных в кургане 20 могильника Новый Кумак указывает совокупность таких признаков погребального обряда, как: деревянная надмогильная конструкция шатрового типа; наличие дромоса; большие размеры и глубина могильной ямы, с учетом коллективного характера захоронения. Несмотря на то, что захоронение было ограблено в древности, в нем был зафиксирован разнообразный инвентарь, включая вещи из драгоценного металла, что также свидетельствует о высоком социальном статусе погребенных в этом кургане.

В силу того, что 20 курган Ново-Кумакского могильника был ограблен следует рассмотреть еще один возможный вариант, связанный с обрядами ритуального ограбления и обезвреживания покойников, которые были достаточно широко распространены у древних народов Евразии (Смирнов, 1997; Флеров, 2000; Зайцева, 2005). В частности, на материалах ранних кочевников Нижнего Поволжья показано, что трепанации на черепах из погребений среднесарматского времени могли осуществляться в рамках подобных ритуальных практик (Мамонтов соавт., 2018, с. 95–96).

Из-за ограбления могильной ямы в древности, вследствие которого все костные останки захороненных в Ново-Кумакском могильнике были раскиданы по периметру погребального пространства, очень непросто выявить какие-либо дополнительные свидетельства о проведении манипуляций с телами усопших, проводившихся в рамках ритуальных процессов. Отсюда, касательно рассматриваемого случая из могильника Новый Кумак, сложно утверждать, что ограбление захоронения было ритуальным, но и опровергнуть это мы пока тоже не можем. Поэтому на данный момент этот вопрос остается открытым.

Заключение

Помимо терапевтического назначения, трепанации могли иметь сакрально-ритуальное значение и быть связаны с погребальным обрядом и социальным статусом умершего. На памятниках раннего железного века Центральной и Средней Азии, а также Южной и Западной Сибири встречены посмертные трепанации, которые были связаны с обрядом мумификации или временного хранения тел перед их погребением.

По результатам проведенного исследования можно сформулировать две возможные причины проведения операции на черепе из кургана 20 могильника Новый Кумак:

1. Трепанация могла быть выполнена в терапевтических целях, вследствие осложнения травмы, полученной индивидом раннее и успевшей зажить. При этом вмешательство, вероятно, оказалось безуспешным и было проведено незадолго до его смерти.

2. Трепанация была сделана в ритуально-символических целях уже после наступления смерти индивида. Не исключено, что после неудачного хирургического вмешательства операция приняла ритуально-символическое назначение и стала частью погребального обряда.

В данный момент невозможно сформулировать однозначную интерпретацию рассматриваемого случая, но безусловно не вызывает сомнений, что трепанационное отверстие было выполнено посмертно или непосредственно перед смертью человека.

Массовый характер, который имеют посмертные трепанации на территории Центральной Азии соотносят с процессами извлечения мозга для обряда бальзамирования трупов и мумификации (Бейсенов, Китов, 2014, с. 38). До настоящего исследования на Южном Урале был обнаружен только один случай посмертной трепанации, а наиболее близкие случаи посмертных трепанаций были обнаружены в погребениях сармат Нижнего Поволжья. При этом данные о существовании традиции мумификации и бальзамирования тел у ранних кочевников данного региона не подтверждается ни по письменным источникам, ни по археологическим материалам (по: Перерва, 2023, с. 200).

В памятниках ранних кочевников Южного Урала трепанированные черепа довольно редкая находка, что позволяет предполагать отсутствие устойчивой традиции проведения этой операции. Вместе с тем отдельные случаи свидетельствуют о существовании данного обряда, который мог проникнуть в южноуральские степи из Центральной Азии или из других восточных территорий. Проникновение кочевого населения с востока подтверждается также и по данным археологии в виде новых элементов погребального обряда и некоторых категорий инвентаря, представленного, в первую очередь, керамиче-

© Чиркова А. Х., Машкова А. Ж., 2026
© Chirkova A.Kh., Mashkova A.Zh., 2026

ским комплексом (Акимова, 1968, с. 402; Мошкова, 1972, с. 45-46). У ранних кочевников Южного Урала также ничего неизвестно о бальзамировании и мумификации тел перед погребением. Вероятно, наблюдая случаи трепанированных черепов из южноуральских памятников, мы являемся свидетелями не прямого перенесения традиции посмертной трепанации из Центральной Азии, а фиксируем лишь какую-то ее часть в измененном виде.

По совокупности признаков погребального обряда, захоронение из кургана 20 Ново-Кумакского могильника можно отнести к кочевой знати, что также может указывать на ритуально-символическое назначение проведения операции на черепе, как это было отмечено по материалам из Центральной Азии и Южной Сибири.

Таким образом, обнаруженная трепанация в могильнике Новый Кумак может свидетельствовать о проведении посмертных манипуляций с телом умершего, в рамках подготовки его к погребальной церемонии.

В рамках дальнейших действий по изучению трепанации на черепе из кургана 20 Ново-Кумакского могильника необходимо будет провести рентгенологическое исследование и трасологический анализ.

Список литературы

Акимова М.С. Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала // Археология и этнография Башкирии. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1968. Т. 3. С. 391–426.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 1964. 128 с.

Бейсенов А.З., Китов Е.П. Посмертная трепанация черепов в элитных захоронениях сакской эпохи Центрального Казахстана // Известия АлтГУ. 2014. № 4-2 (84). С. 31–41. https://doi.org/10.14258/lZVASU(2014)4.2-04

Бородовский А.П., Зубова А.В., Поздняков Д.В., Табарев А.В., Черемисин Д.В. Археология насилия: (Интерпретация материалов археологических, антропологических и изобразительных комплексов). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, Новосиб. гос. пед. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2010. 110 с.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу: (современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР. 1955. 585 с.

Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 29 с.

Китов Е.П. Антропологические особенности населения пазырыкской культуры (по материалам могильника Берел) // Археология Евразийских степей. 2023. № 6. 297–310. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.297.310

Китов Е.П., Мамедов А.М. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана. 2014. 352 с.

Китов Е.П., Бейсенов А.З. Череп с трепанациями из курганов раннего железного века Сарыарки // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2015. № 1. С. 37–48.

Китов Е.П., Китова А.О. Посмертные ритуалы у ранних кочевников Центральной Азии // Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Актобе, 19–20 апреля 2018 года. Актобе: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2018. С. 582–586.

Китов Е.П., Хохлов А.А., Иванов С.С. Боевые травмы у ранних кочевников «савромато-сарматского» облика как отражение социально-политической обстановки в степной полосе Евразии в VI–II вв. до н.э. // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2019. № 3. С. 169–180.

Кириченко Д.А. О случаях трепанации у сарматских племен Евразии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 112–119. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-33-2-112-119

Мамонтов В.И., Обраменко И.Е., Перерва Е.В. Трепанация черепа из захоронения среднесарматского времени с территории Волгоградской области // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2018. № 1. С. 86–100.

Медникова М.Б. К вопросу о распространении посмертной трепанации черепов в Центральной Азии // Российская археология. 1997. № 4. С. 130–188.

Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Науч. мир. 2001. 304 с.

*Медникова М.*Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетейа. 2004. 208 с.

Мошкова М.Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири Сарматского времени. МИА. № 153. М.: Наука, 1972. С. 27–48.

Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. Определение пола, возраста и роста по костям скелета человека. М.: Медгиз. 1963. 156 с.

Перевозчиков И.В. Основы антропологической фотографии: Учеб. пособие для студентов. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1987. 60 с.

Перерва Е.В. Случай трепанации у сарматов (по антропологическим материалам из могильника Перегрузное I) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2012. № 2. С. 123–133.

Перерва Е.В, Березина Н.Я., Кривошеев М.В. Трепанации савромато-сарматского времени по материалам с территории Нижнего Поволжья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 2. С. 140–148. https://doi.org/10.17746/1563-0102.2020.48.2.140-148

*Перерва Е.В. Т*репанация у сарматов Нижнего Поволжья (к размышлениям о поиске причин и истоков традиции) // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур: Материалы XI Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной памяти А.С. Скрипкина, Волгоград, 15–19 мая 2023 года. Волго-

© Чиркова А. Х., Машкова А. Ж., 2026
© Chirkova A.Kh., Mashkova A.Zh., 2026

град: Волгоградский государственный университет, 2023. С. 195–206.

Рохлин Д.Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох нормальные и патологические изменения). М.: Наука. 1965. 303 с.

Руденко С.И. Культура Алтая времени сооружения пазырыкских курганов // КСИИМК. 1949. Вып. XXVI. С. 97–109.

Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. М.: Вост. лит. 1997. 280 с.

Учанева Е.Н., Малютина А.А., Панкова С.В. Трасологическое изучение посмертных трепанаций на черепах из таштыкского грунтового могильника Оглахты // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 236–271. https://doi.org/10.17223/2312461X/41/13

Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V-VIII веков: обряд обезвреживания погребенных // Труды Клин-Ярской экспедиции. I. М.: Полимедиа. 2000. 142 с.

References

Akimova M.S. Materials for the anthropology of the ancient population of the Southern Urals. *In Archaeology and Ethnography of Bashkiria.* Ufa, Bashkir Book Publ., 1968, 3, pp. 391–426. (In Russ.).

Alekseev V.P., Debets G.F. *Craniometry. Methodology of anthropological research.* Moscow, Nauka Publ., 1964. 128 p. (In Russ.).

Beysenov A.Z., Kitov E.P. Posthumous Skull Trepanation in Elite Burial Grounds of the Saka Period in Central Kazakhstan. *Izvestiya of Altai State University Journal,* 2014, 4-2 (84), pp. 31–41. (In Russ.). https://doi.org/10.14258/IZVASU(2014)4.2-04

Borodovskiy A.P., Zubova A.V., Pozdnyakov D.V., Tabarev A.V., Cheremisin D.V. *Archaeology of Violence: Interpretation of Materials from Archaeological, Anthropological, and Iconographic Complexes.* Novosibirsk, Novosibirsk State Univ.; Novosibirsk State Pedagogical Univ.; IAET SB RAS Publ., 2010. 110 p. (In Russ.).

Flerov V.S. Alans of the Central Ciscaucasia of the 5–8th centuries: ceremony of neutralization of buried. In *Works of the Klien-Yarsky expedition.* Moscow, Polimedia Publ., 2000, 142 p. (In Russ.).

Gerasimov M.M. *Reconstruction of the Face on the Skull: Modern and Fossil Man*. Moscow, USSR Academy Science Publ., 1955. 585 p. (In Russ.).

Kirichenko D.A. About trepanation cases at the Sarmatian tribes of Eurasia. *Bulletin of archeology, anthropology and ethnography*, 2016, 2 (33), pp. 112–119. (In Russ.). https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-33-2-112-119

Kitov E.P. Anthropological Features of the Population of the Pazyryk Culture (Based on Materials from the Berel Burial Mound). *Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2023, 6, pp. 297–310. (In Russ.). https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.297.310

Kitov E.P., Beysenov A.Z. Skulls with trepanations from barrows of the early Iron Age of Saryarka. *Moscow University Anthropology Bulletin,* 2015, 1, pp. 37–48. (In Russ.).

Kitov E.P., Kitova A.O. Post-Mortem Rituals among the Early Nomads of Central Asia. In *Margulan Readings – 2018. Spiritual Modernization and Archaeological Heritage: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Aktobe, April 19–20, 2018.* Aktobe: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2018. Pp. 582-586. (In Russ.).

Kitov E.P., Khokhlov A.A., Ivanov S.S. Combat Injuries of the Early Nomads of the «Savromatian-Sarmatian» Appearance as a Reflection of the Social and Political Situation in the Steppes of Eurasia in 6th–2nd cc. BC. *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology,* 2019, 3, pp. 169–180. (In Russ.).

Kitov E.P., Mamedov A.M. *Nomadic Population of Western Kazakhstan in the Early Iron Age*. Astana, Publishing Group of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2014. 352 p. (In Russ.).

Mamontov V.I., Obramenko I.E., Pererva E.V. Trepanation of the Cranium from the Middle Sarmatian Times in the Volgograd Region territory. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia*, 2018, 1, pp. 86–100. (In Russ.).

Mednikova M.B. To a question of distribution of posthumous trepanation of skulls in Central Asia. *Russian archeology*, 1997, 4, pp. 130–188. (In Russ.).

Mednikova M.B. *Trepanations at the ancient people of Eurasia*. Moscow, Nauchnyi Mir Publ., 2001. 304 p. (In Russ.).

Mednikova M.B. *Trepanations in the ancient world and a head cult*. Moscow, Aleteia Publ., 2004. 208 p. (In Russ.).

Moshkova M.G. Sarmatian Burials of the Novo-Kumak Burial Ground near the City of Orsk. In: *Sites of the Southern Urals and Western Siberia of the Sarmatian Period*. Materials and Investigations on the Archaeology of the USSR, 153. Moscow: Nauka Publ., 1972. pp. 27–48. (In Russ.).

Pashkova V.I. *Essays on Forensic Osteology. Determination of Sex, Age and Height from Human Skeletal Bones*. Moscow, Medgiz Publ., 1963.156 p. (In Russ.).

Perevozchikov I.V. *Fundamentals of Anthropological Photography: Textbook for students.* Moscow, 1987. 60 p. (In Russ.).

Pererva E.V. Case of trepanation at Sarmatians (on anthropological materials from the burial ground Peregruznoe I). *Moscow University Anthropology Bulletin*, 2012, 2, pp. 123–133. (In Russ.).

Pererva E.V. Trepanation Among the Sarmatians of the Lower Volga Region (to reflections on the search for the causes and origins of the tradition). In *Chronology and Periodization of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Regional Features. Proceedings of the 11th All-Russian Scientific Conference with International Participation «Problems of Sarmatian Archeology and History» Dedicated to the Memory of Prof. Anatoly S. Skripkin, May 15–19, 2023, Volgograd.* Volgograd: Volgograd State University, 2023, pp. 195–206. (In Russ.).

Pererva E.V., Berezina N.Y., Krivosheev M.V. Trepanations in Sauromato-Sarmatian Crania from the Lower Volga. *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia,* 48(2), 2020, pp. 140–148. (In Russ.). https://doi.org/10.17746/1563-0102.2020.48.2.140-148

Rokhlin D.G. *Diseases of ancient people (bones of people of various eras normal and pathological changes).* Moscow-Leningrad, Nauka Publ., 1965. 303 p. (In Russ.).

Rudenko S.I. Culture of Altai of time of a construction pazyrykskikh of barrows. In B*rief reports of the Institute of the History of Material Culture*, 1949, 26, pp. 97–109. (In Russ.).

Smirnov Iu.A. *Labyrinth: mythology of deliberate burial*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1997. 279 p. (In Russ.).

© Чиркова А. Х., Машкова А. Ж., 2026
© Chirkova A.Kh., Mashkova A.Zh., 2026

Uchaneva E.N., Malyutina A.A., Pankova S.V. Traceological Study of Postmortem Trepanations on Crania From the Oglakhty Cemetery (the Tashtyk Culture, 2nd–4th century AD). *Siberian Historical Research*, 2023, 3, pp. 236-27. (In Russ.). https://doi.org/10.17223/2312461X/41/13

Zaytseva O.V. *Burials with Destroyed Anatomical Integrity of the Skeleton: Research Methodology and Interpretation Possibilities.* Cand. hist. sci. abs. diss. Novosibirsk, 2005. 29 p. (In Russ.).

Информация об авторах/ Information about the authors

Чиркова Алина Харисовна, к.и.н., научный сотрудник, НИИ и Музей антропологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация; Южно-Уральский государственный университет, Управление научной и инновационной деятельности, г. Челябинск, Российская Федерация
chirkovaah@my.msu.ru
https://orcid.org/ 0000-0002-4332-0747

Машкова Алия Жулмагамбетовна, стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
sukhamberlieva@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-6935-4435

Chirkova Alina Kharisovna, Ph.D., research fellow, Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; South Ural State University, Research and Innovation Services, Chelyabinsk, Russian Federation
chirkovaah@my.msu.ru
https://orcid.org/ 0000-0002-4332-0747

Mashkova Aliia Zhulmagambetovna, research intern, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
sukhamberlieva@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-6935-4435

Поступила в редакцию 08.04.2026.
Получена после доработки 17.04.2026.
Принята к публикации 17.04.2026.

Received 08.04.2026.
Revised 17.04.2026.
Accepted 17.04.2026.

© Чиркова А. Х., Машкова А. Ж., 2026
© Chirkova A.Kh., Mashkova A.Zh., 2026